

Николай РАКИТЯНСКИЙ

ИСЛАМСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI в.

В статье исследуются глубинные причины противостояния исламского Востока и евроатлантического Запада в современном геополитическом пространстве. Автор анализирует проблемы, фундаментальные основания и стратегические возможности конструктивного взаимодействия России с миром ислама.

Deep causes of opposition between the Islamic East and Euro Atlantic West in contemporary geopolitical space are considered in the article. The author analyses problems, fundamental grounds and strategic opportunities for Russia for constructive cooperation with Islamic world.

Ключевые слова:

догмат, менталитет, принцип субъектности, субъект, субъектность, личность, экспансия, синтез, консенсус, монотеизм;
dogma, mentality, subjectivity principle, subject, subjectivity, personality, expansion, synthesis, consensus, monotheism.

По меркам исторического времени Европа еще совсем недавно была на грани завоевания ее сарацинами¹. Христиане успели забыть о том, что Северная Африка и Сирия когда-то были христианскими. Во время первого большого наступления арабов с 632 по 732 г. они потеряли свою независимость и были исламизированы. В свое время передовые отряды мусульман стояли в 200 км от Парижа и вблизи Женевы. К 714 г. армии мусульман захватили весь Пиренейский полуостров за исключением горных районов северной Испании.

В 1453 г. пал Константинополь, в 1460 г. завоевана Греция, в 1540 г. – Северная Венгрия. В 1456 г. турки осадили Белград. Город удалось отстоять, однако 28 августа 1521 г. он все же был захвачен. В 1529 и еще раз в 1683 г. подвергалась длительной осаде Вена. В 1625–1633 гг. взяты под контроль морские порты Северной Европы. XVII век был временем противостояния Османской империи и Речи Посполитой. 600 лет продолжалась война между исламом и христианством на Балканах. Лишь незадолго до Первой мировой войны балканские народы смогли сбросить с себя турецкое иго². Ливан – «ближневосточная Швейцария» – еще в начале XX в. был страной с христианским большинством населения, а православное Косово совсем недавно стало мусульманским.

Исламский менталитет в контексте принципа субъектности

Истоки принципа субъектности восходят к античной философии. Сократ был первым, кто сформулировал основную установку принципа субъектности – нацеленность человеческого бытия на самое себя. В формуле: «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» заложено понимание субъектности как самосознания, которое в учении Сократа выступает как стержень личностного сознания и поведения.

Принцип субъектности в том или ином виде развивался в трудах Платона, Аристотеля, Сенеки и других античных авторов. И только в христианском мировоззрении он получает принципиально новое выражение и воплощение. Здесь он связан с идеей создания, сотворения – *creatio*. Если для языческого античного мира и более

¹ Сарацинами (греч. Σαρακηνός – «восточные люди») европейские авторы называли всех мусульман, часто используя в качестве синонима термин «мавры».

² Абд-Эль Маши. Аллах в исламе. – Корнталь-Мюнхинген: Изд-во «Свет на Востоке», 1983.

РАКИТЯНСКИЙ
Николай
Митрофанович –
д.псих.н.,
профессор МГУ
им. М.В. Ломоносова
arkayros@yandex.ru

поздних политеистических религиозных верований идея творения как рождение качественно нового созидательного содержания бессмысленна, то в христианском мировоззрении она главенствует.

В христианском менталитете мир представлен как результат уникального акта творения по воле Творца, который создает «из ничего» не только законы природы, но и сам субстрат, материю. Мир существует не сам по себе, а по причине его созданности. Христианство придает человеку не только особый, но и высший статус по отношению к окружающему природному миру. Этот статус связан с пониманием сущности человека как «образа и подобия Бога». В связи с этим божественный волевой акт творения оказался возможным и необходимым спроецировать на человека как на «образ и подобие Бога», в результате чего человек предстает как потенциальный и реальный обладатель творческой воли.

Впервые в истории человечества христианство утвердило идею об особом достоинстве каждого человека как личности. В отличие от ислама, христианство утверждает возможность и необходимость духовной связи каждого человека с Богом. Благая весть, которую принес людям Христос, — это весть о спасении людей от смерти, о приближении их к духовной жизни в Царствии Божьем. Духовная связь — *religare* — между Богом и человеком мыслится в христианстве возможной лишь потому, что Бог и человек рассматриваются как личности.

Именно личность есть образ Божий в человеке, и, следовательно, в человеке есть божественное начало, и это начало не только природная сила, но и внеприродная способность стать личностью. В православной антропологии личность — это степень приближения человека к Богу. Как пишет В. Лосский, человек, как и Бог, существо личное¹. В христианском мировоззрении впервые в истории конкретная личность стала считаться выше природы, она становится богоподобным субъектом.

С идеей личности как подобия Божия связано понимание человека как трансцендентирующего существа. Это значит, что личность трактуется как субъект творчества, который определяет себя через

созданный им самим смысловой, субъектный мир. Этот божественный дар выводит человека за пределы естественной необходимости, ведь человек призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он как бы становится его подобием на земле. Значит, обретя подобие Божие, человек тем самым приобретает способность быть субъектом творения, выступать в качестве полагающего начала, реализовывать свои богоподобные креативные способности.

Принцип субъектности был радикально редуцирован в эпоху Реформации. Так, протестанты, отвергнув догмат о спасающей роли церкви, разорвали соборное, коллективное сознание человека, акцентировали все усилия на его индивидуальном «спасении», направили всю энергию на субъектную, креативную самореализацию в экономической, социальной, научной, политической и иных сферах земной жизни. Именно для протестантского менталитета, который стал ядром и эталоном современной евроатлантической цивилизации, сам индивид — последняя и высшая инстанция. Таким образом, протестантизм открыл себе путь для безудержной субъектной экспансии в геополитическом пространстве Новейшей истории.

В современной психологии понятия «субъект» и «субъектность» связаны с пониманием человека как основания самого себя, с самодетерминацией. В онтогенетическом плане субъект — это человек, являющийся основанием собственного становления и развития — личностного самосотворения. В научной психологии одной из базовых способностей субъекта деятельности признается способность к рефлексии. Психологическим содержанием рефлексии является способность делать предметом прогнозирования и проектирования свое будущее и практически его осуществлять. Эта способность включает в себя возможность анализировать свое прошлое как историю своего развития, на основании этого анализа оценивать свое настоящее и проектировать свое будущее, создавать социальную среду и политические средства своего развития, практически осуществлять переход из своего прошлого в свое будущее.

Ислам с момента своего возникновения в VII в. исповедует единого трансцендентного, абсолютного, но при этом абстрактного Бога, принципиально не соотносящегося с человеческой личностью, с

¹ Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной церкви. — М.: СЭИ, 1991.

совокупным или индивидуальным субъектом. В исламе между человеком и Богом проведена практически непреодолимая граница. Ислам отвергает идею онтологического преобразования человека через обретение им личности в Богочеловеке. Именно поэтому в монотеизме ислама сочетание, с одной стороны, абсолютной догматичности и, с другой стороны, абсолютной бессубъектности определило собой то обстоятельство, что в исламском менталитете исторически не получило развитие самодетерминирующее индивидуальное субъектное начало. Исламское общество веками отдавало предпочтение не личному развитию человека, а интересам общины. Мусульманин, в отличие от европейского секуляризованного буржуазного индивидуалиста, всегда должен ощущать свою принадлежность к умме – всемирному сообществу единоверцев. Не случайно значение ислама в арабском языке – «предание себя», «отдача», «покорность». Г.И. Мирский пишет о том, что ислам – это больше чем религия, это также сильнейший фактор идентичности и цивилизационной солидарности¹.

Проблема субъекта в исламе обнаруживается и в том, что, в отличие от иудаизма и христианства, в нем отсутствует единая иерархическая структура, четко сформулированная система догматов, ясные стратегические распоряжения основателя вероучения. Ислам порождает внутри себя многочисленные, но по статусу равноправные течения и группы. Так, по данным А.А. Игнатенко, только в России зарегистрировано примерно четыре десятка духовных управлений мусульман. Бесперспективны, по мнению специалистов, и попытки исследователей найти некий общий знаменатель всех исламских направлений².

Президент Центра стратегических исследований Ш.З. Султанов в статье с характерным названием «Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса» говорит об исламском мире как об «эфемерном субъекте» мировой политики: «...в настоящее время исламский мир не является на глобальной

арене каким-либо единым политическим субъектом со своей долгосрочной стратегией и согласованными механизмами ее реализации»³.

Тем не менее Г.И. Мирский считает ислам самой сильной религией в сегодняшнем мире по степени его укорененности в умах и душах людей⁴. Эта укорененность, а также ментально-догматическое единство и цивилизационная солидарность исламского мира содержит в себе энергию непримиримого отрицания западного либерализма, рационализма, индивидуализма и секуляризма.

По результатам анализа исламского менталитета в контексте принципа субъектности представляется возможным сделать вывод о том, что ислам не предполагает напряженную конкурентно-креативную деятельность индивидуального, как, например, в протестантизме, субъекта, раскрытие и интенсивную реализацию его личностных интенций, способностей и возможностей.

В то же время ислам, несмотря на известные социальные и экономические проблемы, в наибольшей мере способен к осуществлению экстенсивной – массовой, расширительной, количественной – политической экспансии таранного типа в глобальном масштабе. Сочетание абсолютной догматичности, которая имеет аффективный, страстный, нетерпимый, жертвенный характер, и абсолютной бессубъектности делает исламский менталитет в наступающей «эпохе религиозных масс» энергетически напряженным, пассионарным. В своей «Истории западной философии» Б. Рассел писал о том, что догматические установки, связанные «с самыми утонченными и трудными для понимания теологическими вопросами», религиозных масс с давних времен имели огромное политическое значение⁵.

Возможно, XXI в. как продолжение эпохи либерализации, секуляризации и кризиса евроатлантической цивилизации

³ Султанов Ш. Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса // <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=8820&issue=231>

⁴ Мирский Г.И. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // *Мировая экономика и международные отношения*, 2008, № 8, с. 89–103.

⁵ Рассел Б. *История западной философии*. – М., 1993.

¹ Мирский Г.И. *Ислам: история и современность*. 2010 // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf

² Игнатенко А. «Исламский» – что это значит? // *НГ-сценарии*, 1997, № 6.

станет очередной эпохой пассионарного взрыва ислама и его экстенсивной геополитической гегемонии.

Проблемы, основания и возможности политического взаимодействия с исламом

Лавинообразный демографический рост, массовые формы политической активности, проявления религиозного экстремизма и фанатизма будут только нарастать. В последние годы более частыми становятся эксцессы террористическо-суицидальной практики. Все эти процессы сопровождаются тотальным неприятием антропоцентрических установок Запада абсолютным большинством монотеистического мусульманского мира.

Проблемы исламской экспансии для христианской/постхристианской Европы – Франции, Великобритании, Германии, Италии, Испании и т.д. – также будут усугубляться. И никто в этих странах не знает, что со всем этим делать. Активно исламизируется, набирает политический вес и военную мощь Турция, реализуя концепцию «нового османизма». Мобилизует свой потенциал противостояния с Западом Исламская Республика Иран, в конституции которой закреплена идея создания под эгидой Ирана «мировой исламской общины – уммы». Постепенно складывается ситуация, когда Запад с его субъектностью, креативностью, рационализмом, прагматизмом и вместе с тем неадекватным «качеством» понимания ислама в недалеком историческом будущем рискует стать жертвой его нарастающего «количества».

Лидеры исламского мира уже вполне открыто заявляют о том, что «исламское возрождение не может быть начато без религиозной, а успешно продолжено и завершено – без политической революции». Ш. Султанов считает, что глобальное усиление ислама уже не остановить. По его мнению, глобальный кризис вызвал ускорение процесса «ревитализации» – возрождения и актуализации глубинных исламских ценностей и принципов, все более жесткого отказа от западного рационализма и секуляризма. В среде интеллектуальных и религиозных элит исламского мира идет процесс маргинализации либеральных, социалистических и иных устремлений, активизируется стремление к долгосрочному религиозному самоопределению мусульманского сообще-

ства. В расширяющейся фундаменталистской среде усиливается процесс все более жесткого противопоставления мусульманской системы ценностей деградирующей антропоцентрической западной нравственности.

Но реальность такова, что усиление ислама, его качество самой массовой и пассионарной религии не дадут ему возможность осуществить политическое доминирование и воплотить идею Всемирного халифата на планете по причине его особого субъектного статуса. В современном глобальном мире ислам не в состоянии креативно осуществлять субъектную экспансию по интенсивному информационно-политическому, научно-техническому, экономическому и военному типу.

В исламе нет ментально-догматических оснований и для формирования субъектного гражданского общества в его либерально-индивидуалистическом понимании. Нет и реальных оснований для формирования политической системы по западному образцу. Ни одно мусульманское государство до сих пор не развивалось по этому пути. Однако расширяющийся исламский более чем миллиардный мир в XXI в. рано или поздно потребует от Запада отказа от его ценностных претензий к нему. Претензий, которые предъявляются исламу в качестве безусловных и обязательных для исполнения истин, имеющих по сути протестантский, догматически обусловленный характер.

В отношениях с исламом западные субъекты политики сохраняют бескомпромиссную установку на безусловность и тотальность своих субъектных либеральных ценностей. При этом сохраняется устойчивая иллюзия возможности ментальной трансформации ислама. Это заблуждение обусловлено двумя важными моментами. Во-первых, стратегии мышления операторов власти англосаксонского мира опираются на отличные от ислама ментально-догматические основания. Во-вторых, они не рефлексируют над своими мессианскими либерально-догматическими установками, считая их вполне естественными и универсальными. Именно поэтому для современной глобальной политики, определяемой евроатлантическим гегемоном, который сейчас больше американо-атлантический, чем европейский, характерны неадекват-

ные представления о якобы нарастающей иррациональности политических процессов в мире ислама.

Проблема взаимного непонимания Запада и исламского Востока усугубляется еще и тем, что в мусульманском мире также усиливаются оценки западной политики как иррациональной.

Для преодоления проблемы мнимой иррациональности субъектам англо-американской ментальной экспансии предстоит выработать рефлексивный подход к своим реальным политическим возможностям во взаимодействии с исламом. Политическая рефлексия предполагает переосмысление как глубинных ментальных установок своего политического мышления, так и особенностей мышления различных мусульманских сообществ.

Но осуществить выход за пределы догматических установок мышления на новый уровень рефлексии для каждой из сторон чрезвычайно сложно, т.к. принятые ими сотни и сотни лет назад религиозно-догматические системы сформировали жесткие и неосознаваемые структуры массовой веры как сверхсознательного феномена, который и является основой менталитета. При этом необходимо учитывать, что основой любой ментальной системы является догмат, который, по А.Ф. Лосеву, «есть утвержденность вечных истин». И ни одна из сторон от своих вечных истин не намерена отказываться, т.к. это будет совершенно недопустимый отказ от онтологической идентичности.

Ментально-догматические установки определяют кардинальные ментально-психологические и в итоге политические отличия трех глобальных миров. Это мир ислама, мир христианского Запада и мир православного христианства. Все они длительное историческое время развивались в русле монотеистического закона. Каждый из этих миров отстаивает неизменные системы ценностей и по-своему выражает свои цивилизационно-политические ориентации. Внутри каждого из этих миров относительно автономно, обособленно и весьма успешно в течение двух тысячелетий существует мир иудаизма¹, главным покровителем и союзником которого явля-

ется протестантская англо-американская коалиция.

Наиболее слабой в системе этих миров является постправославная и постсоветская Россия, правящие элиты которой, как минимум, дважды радикально отказывались от ментально-догматических оснований своей политической субъектности.

Первый отказ от субъектности проявился в разрушении православного догматического исповедания как ментального основания русской цивилизации. Этот ментальный распад, длившийся около двух столетий, в итоге привел к деструкции тысячелетней русской государственности и всего общества, его институтов, культуры, идентичности. Результатом была трагедия 1917 г., гражданская война и уничтожение православия как системообразующего компонента Российского государства.

Второй отказ, но уже от догматического атеизма, был осуществлен партийно-номенклатурными элитами постправославного и постсталинского Советского Союза с делегированием политической субъектности лидерам протестантского Запада. Атеистические правители позднего СССР были не в состоянии предложить людям трансцендентальные и вечные ментальные основания общественного и политического развития, сформировать духовный иммунитет у советского народа против «растлевающего влияния Запада», его «идеологической диверсии» и «психологической войны» как форм ментально-догматической экспансии. К началу перестройки большинство населения Советского Союза было заражено мешанско-индивидуалистическими и инфантильно-потребительскими установками.

А.И. Юрьев и В.В. Можаровский справедливо полагают, что система власти в мире, во всех странах становится все менее и менее эффективной, потому что учитывает весьма узкий спектр мотивов политического поведения. Так, до сих пор преобладает подход, при котором глубинные ментально-догматические и религиозные установки больших масс людей в системе политологического знания не изучаются и, как следствие, игнорируются².

Кризис либеральной модели цивилизации усиливает позиции ислама с его спо-

¹ Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. — СПб.: ОВИЗО, 2002, с. 43.

² Там же, с. 5–9, 222–231.

собностью к массовому порыву и политическому действию. Западный мир с ускорением подходит к концу пути, который был задан в эпоху Реформации и Нового времени. Мусульманский Восток с его эфемерной субъектностью, исповедуя монотеизм, устремлен в архаическое прошлое, объективно обостряя конфликтное противостояние с секулярным Западом.

Вместо заключения

Исламский Восток и евроатлантический Запад представляют собой две корневые силы, противостояние которых в течение веков определяло развитие человечества. Конфликтное взаимодействие этих сил в начале XXI в. усиливается в результате нарастания антихристианской политики в постхристианском мире¹, символом которой и высшей ценностью стал безбожный человек. Разрешение фундаментальных противоречий цивилизаций не может быть достигнуто в рамках западного постхристианского субъектного мышления с предоставлением исламу тех или иных преференций и выгод от торговли научными разработками и технологиями, оружием, взаимодействия с ним на основе либеральных, по сути, секулярных ценностей, правовых норм и т.п. В стратегическом взаимодействии с ним могут

эффективно работать совершенно иные законы и мотивации. Только перевод диалога в русло монотеизма, опора на общие с исламом библейские корни, законы и нравственные ценности могут быть положительно восприняты внутри ислама и быть действенными и продуктивными в долгосрочной перспективе.

В современном мире Россия с ее бесценным историческим опытом «славяно-тюркского синтеза» и традицией, по терминологии А.С. Панарина, «православно-исламского консенсуса» имеет реальную перспективу бесконфликтного взаимодействия с миром ислама. Основанием, безусловной ценностью, возможностью и, наконец, реальным полем, на котором России в течение тысячелетия удавалось сосуществование с исламским миром, является монотеизм. В условиях глобализации, мирового кризиса и очевидного усиления ислама для снятия потенциальной опасности в отношениях с ним России вновь необходимо во всех ключевых вопросах внутренней и внешней политики опираться на монотеистические православные основания и ценности, которые для ислама исторически естественны, психологически приемлемы и абсолютно правомерны.

¹ Цивилев А.А. Исламский Восток в религиозных взглядах В.С. Соловьева // http://psyjournals.ru/files/41619/sociosfera_2011_n1_Tsivelev.pdf

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12-03-00354.